

— Ваш младший брат не подведёт. — Ишан Гумин поклонился.

Лун Вэнь же, стоя рядом, смотрел с пренебрежением, подошёл к Ишану, обошёл его кругом и, осмотрев, сказал:

— Отец хочет, чтобы дядя учил меня? Но чему он может меня научить?

— Лун Вэнь, не будь таким неуважительным, — сказал Император Кайтянь Второй. — Твой дядя — человек, достигший успехов и в литературе, и в боевых искусствах, настоящий столп государства. Только обучаясь у него, ты сможешь достичь великих высот. Разве ты не хочешь стать человеком, который поможет отцу решать его проблемы? Твой дядя в этом плане даже более способен, чем я.

— Способен? Вчерашний старый учёный тоже называл себя великим мудрецом, но я заставил его замолчать. Неужели дядя более способен, чем он? — Лун Вэнь с сомнением посмотрел на Ишана, бросая ему вызов.

— Даже если я не смогу научить тебя литературе и истории, в боевых искусствах ты точно не преуспеешь. Более того, в тебе я не вижу качеств благородного человека: гуманности, справедливости, этикета, мудрости и верности. Это то, чему тебе нужно научиться.

Говоря это, лицо Ишана Гумина стало мрачным, и он уже начал испытывать недовольство своим будущим учеником и племянником.

— О, боевые искусства? — Лун Вэнь задумался, а затем, отвернувшись, сказал:

— Зачем мне учиться этому? Я не хочу.

— Не хочешь? Почему ты не хочешь? — спросил Ишан Гумин.

— В бою слишком легко пролить кровь и потерять жизнь. Я не хочу этого. — Лун Вэнь спрятался за Императором Кайтянем Вторым и, глядя на Ишана, добавил:

— И ты мне не нравишься, поэтому я не хочу у тебя учиться.

— Ты... — Ишан Гумин уже собирался начать увещевать, но Император Кайтянь Второй остановил его.

Император погладил Лун Вэня по голове и сказал:

— Ха, не хочешь — не надо. Но тебе всё равно нужно найти учителя. Если не хочешь учиться боевым искусствам, то чему ты хочешь учиться?

Лун Вэнь задумался, а затем его глаза загорелись, и он с энтузиазмом сказал:

— Я хочу учиться игре на цитре! Цитра — это запрет. Она останавливает зло и возвращает на путь истинный, поэтому её называют цитрой. Кроме того, цитра — инструмент благородного человека, символ добродетели. Думаю, если я научусь этому искусству, дядя перестанет упрекать меня за отсутствие гуманности, справедливости, этикета, мудрости и верности.

— Хорошо, пусть Лун Вэнь учится игре на цитре. Но кто будет его учителем?.. — Император Кайтянь Второй задумался, но Лун Вэнь прервал его:

— Я хочу сам найти учителя, хорошо, отец? Пожалуйста, позволь мне.

— Хорошо, пусть будет так. — Император Кайтянь Второй, не обращая внимания на неодобрительный взгляд Ишана Гумина, согласился.

У Башни Дию, где царило оживление, разливался аромат вина, и среди шума толпы выделялся холодный и тихий звук цитры, резко контрастирующий с окружающей суетой. Лун Вэнь, проходя мимо, был привлечён этим звуком и, несмотря на попытки Ланьсян остановить его, вошёл внутрь, чтобы найти музыканта.

Внутри Башни Дию гости были в разной степени опьянения, и только один музыкант в центре выделялся, словно чистая струя воды. Подойдя ближе, можно было почувствовать аромат чая. Лун Вэнь, несмотря на свои короткие ноги, подошёл к музыканту и сразу же сказал:

— Это ты. Ты будешь моим учителем.

— Маленький принц! — Ланьсян, стоящая позади, была в шоке.

Музыкант же оставался бесстрастным, продолжая играть, словно перед ним никого не было. Лун Вэнь не расстроился, а просто спокойно наблюдал за действиями музыканта. Владелец Башни Дию хотел что-то сказать, но Лун Вэнь остановил его жестом.

Когда мелодия закончилась, музыкант поправил струны и наконец посмотрел на Лун Вэня, его лицо оставалось безэмоциональным. Лун Вэнь, увидев, что музыкант поднял голову, сразу же сказал:

— Я хочу, чтобы ты стал моим учителем и научил меня играть на цитре. согласишься?

Музыкант не ответил, а просто положил свою цитру перед Лун Вэнем. Лун Вэнь взял пятиструнную цитру, и его пальцы начали быстро двигаться, воспроизводя только что сыгранную мелодию без единой ошибки. Ланьсян и владелец Башни Дию смотрели на это с изумлением. Музыкант же холодно сказал:

— Ты лишь копируешь форму, но не понимаешь сути.

Лун Вэнь, услышав это, не рассердился, а, напротив, с уважением ответил:

— Именно поэтому я и хочу, чтобы вы стали моим учителем и научили меня искусству цитры.

— Юй Мин не берёт учеников. — Музыкант по имени Юй Мин поднял свою цитру и ушёл, не обращая внимания на оклики владельца Башни Дию.

Владелец, боясь разозлить маленького принца, поспешил извиниться:

— Маленький принц, это...

— Он сказал, что не берёт учеников, но не сказал, что не будет учить. Хм... Владелец, принеси мне всё, что у тебя есть, об этом музыканте. — Лун Вэнь не рассердился, а, напротив, дал Ланьсян указание передать владельцу кошелек с деньгами, чтобы получить всю информацию о Юй Мине.

Владелец, увидев, что маленький принц не только не сердится, но и даёт награду, с радостью пообещал:

— Маленький принц, будьте уверены, я предоставлю всю информацию о музыканте как можно скорее.

Лун Вэнь ничего не сказал и ушёл.

Через несколько дней Лун Вэнь получил документы от владельца Башни Дию, но они были всего лишь несколькими страницами. Оказалось, что этот музыкант был недавним гостем, его личность оставалась загадкой, и было известно лишь, что он мастерски играет на цитре и останавливался в Башне Дию. Лун Вэнь, просматривая документы, почувствовал, что здесь что-то не так. То, что Лун Вэнь искал учителя среди простых людей, не было секретом, и кто-то мог использовать это как возможность проникнуть в аристократические круги. Лун Вэнь усмехнулся:

— Чтобы использовать меня, это должно быть выгодно для обеих сторон. Думаю, до окончания весенней охоты я просто подожду.

В зелёном королевском охотничьем уголке, где царил весенняя атмосфера, природа была полна жизни. Император Кайтянь Второй наслаждался охотой, оставив двух принцев на попечение Ишана Гумина и премьер-министра Цянь Чэнци. Лун Вэнь, осматривая Цянь Чэнци, отметил его чёрные волосы, белую кожу, алые губы и жемчужные зубы — действительно, он был красив. Однако, наблюдая за взаимодействием Ишана Гумина и премьер-министра во время охоты, Лун Вэнь почувствовал лёгкое недовольство.

Узнав, что отец не любит, когда он проявляет свои таланты, Лун Вэнь тщательно обдумал причины и понял, что его мечты о семейном счастье разрушились во многом из-за дяди Ишана Гумина Лун Цзяня. По сравнению с Императором Кайтянем Вторым, Ишан Гумин превосходил его как в литературе, так и в боевых искусствах, и к тому же держал в руках военную власть Яоши. Даже если между братьями была глубокая привязанность, это не могло скрыть чувства неполноценности и зависти Императора Кайтяня Второго. Вероятно, чтобы его старший сын не пережил те же чувства неполноценности, он намеренно лишил младшего сына Лун Вэня боевого потенциала и даже сделал его физически слабее. Всё это указывало на то, что хотя Лун Вэнь и Ишан Гумин были схожи в своих талантах, их судьбы были разными. Ишан Гумин мог действовать без ограничений, не задумываясь, и даже имел рядом осторожного премьер-министра, который его защищал. А Лун Вэнь был вынужден скрывать свою истинную природу, осторожно выживая, и даже Ланьсян, которой он когда-то доверял, больше не могла быть ему близка.

Негодование и несправедливость постепенно накапливались в его сердце, и, возможно, в его глазах уже загорелся огонь зависти. Лун Вэнь был возвращён к реальности голосом Цянь Чэнци.

Цянь Чэнци с лёгкой улыбкой сказал:

— Маленький принц, может, пойдём туда, где меньше людей?

Лун Вэнь скрыл свои бурлящие эмоции, взял Цянь Чэнци за руку и сказал:

— Хорошо, пусть будет так, господин премьер-министр.

У тихого озера лёгкий ветерок создавал небольшие волны, принося аромат цветов издалека, и постепенно Лун Вэнь почувствовал, как его душевная тяжесть рассеивается. Он глубоко вздохнул, и на его лице наконец появилась настоящая улыбка, которой не было несколько месяцев. Цянь Чэнци, увидев это, сказал:

— Маленький принц наконец улыбнулся.

Лун Вэнь больше не притворялся наивным ребёнком, повернулся к Цянь Чэнци и, убрав улыбку, сказал:

— Улыбнулся? Но через мгновение мне снова придётся столкнуться с реальностью, разве нет?

— Маленький принц, вы слишком пессимистичны. Даже реальность не настолько плоха. — Цянь Чэнци нахмурился.

— В мире многое сводится к борьбе за власть и выгоду. Ради интересов даже отец и сын, братья могут убивать друг друга. Разве это мой пессимизм?

Лун Вэнь говорил это, но его слова услышал Ишан Гумин, который подошёл к ним. Ишан Гумин сразу же изменился в лице и сказал:

— Такие слова — это мышление низкого человека. Похоже, ты действительно растрачиваешь свои таланты.

<http://bllate.org/book/16149/1446586>